
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ РОССИИ

В. Ю. ЕРМОЛАЕВ

РУССКОЕ КОЛЕСО. ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОРИЗОНТА ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ*

В статье представлен опыт определения горизонта предсказуемости состояния российского суперэтноса в терминах биосферной концепции этногенеза Льва Николаевича Гумилева. В центре обсуждения находится проблема выделения его повторяющихся подобных пассионарных состояний. Такие состояния представляют собой следствие смены поколений по ходу этногенеза и делают возможным предсказуемость поведения суперэтноса. Автор выделяет моменты смены таких состояний, как точки бифуркации в пассионарном состоянии суперэтноса, строго привязанные ко вполне определенным историческим событиям со схожим содержанием. Для иллюстрации возврата медленных онтологических изменений в поведении российского суперэтноса автором применен образ Русского Колеса.

Ключевые слова: концепция этногенеза Л. Н. Гумилева, суперэтнос, горизонт предсказуемости, пассионарность, пассионарные состояния, Русское Колесо.

Лев Николаевич Гумилев, предложивший первую отчетливо несоциальную концепцию этногенеза (Гумилев 1989, 1990; Gumilev 1990), не снискал ее научного признания ни в нашем Отечестве, ни за его пределами. Даже те единичные специалисты, которые признавали за гумилевской теорией научное содержание, справедливо

* Для цитирования: Ермолаев, В. Ю. 2025. Русское Колесо. Опыт определения горизонта предсказуемости. *История и современность* 3: 134–147. DOI: 10.30884/iis/2025.03.05.

For citation: Ermolayev, V. Yu. 2025. The “Russian Wheel”: An Experience in Determining the Horizon of Predictability. *Istoriya i sovremennost’ = History and Modernity* 3: 134–147 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.03.05.

История и современность, № 3, сентябрь 2025 134–147 DOI: 10.30884/iis/2025.03.05

указывали на значительное количество содержательных проблем, которые ей необходимо преодолеть (Малинецкий 2012: 193–194). А вот споры о правомерности или неправомерности гумилевской интерпретации этнической истории, к счастью, уже утратили смысл. Сегодня очевидно, что пассионарная теория этногенеза Л. Н. Гумилева описывает самоорганизацию кооперативного поведения в этнической среде. Как таковая она представляет частный случай теории диссипативных структур (Ермолаев 1990: 28–30). Гумилевский подход суть тот же междисциплинарный подход, который отстаивает синергетика, изучающая сложное поведение (Малинецкий 2012: 190).

Если же набраться смелости и допустить, что несоциальная концепция этногенеза Л. Н. Гумилева верна, то из этого допущения можно сделать некоторые любопытные прикладные выводы. Например, период существования любого суперэтнуса начинается на границе акматической фазы. Для русской истории этой границей является рубеж XV–XVI вв. Значит, к настоящему моменту Россия просуществовала на суперэтническом уровне $2025 - 1500 = 525 \approx 500$ лет. В течение этого примерно 500-летнего периода на фоне общего тренда к росту или падению имели место реальные колебания значений суперэтнического пассионарного потенциала. Как следствие, такие колебания в 1500–2025 гг. должны были бы несколько раз приводить суперэтнос к похожим, но не идентичным пассионарным состояниям. Однако близкие значения пассионарного потенциала с необходимостью влекут за собой и периоды близкого поведения, при котором люди руководствуются похожими иллюзорными целями (идеалами).

Следовательно, если концепция Л. Н. Гумилева верна, то для России 1500–2025 гг. мы должны наблюдать периодическое возвращение похожего кооперативного поведения. Эмпирически это означает, что в этносоциальной системе России должны иметь место *не аналогичные, но подобные времена*, то есть времена, похожие по своей направленности политического поведения.

Есть ли они, а если да, то как они реально выглядят? Не нужно быть слишком сведущим в истории России, чтобы заметить в ней некоторые «общие правила». Рубежи столетий в России всегда становились временем более или менее катастрофического крушения сложившегося уклада. (Русские люди первых лет XVII в. очень точно назвали свою эпоху – Смута.) Ровно ту же изменчивую ди-

намику нетрудно заметить и в применении силы. С момента наступления акматической фазы и завершения формирования российского суперэтнуса начало каждого столетия ознаменовывалось масштабным наступлением Европы на Россию. Таковы польско-шведская интервенция 1605–1612 гг., Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г., Первая мировая война 1914–1918 гг. и сопутствующая ей иностранная интервенция 1918–1921 гг. Несомненно, в этом ряду лежит и начавшаяся в 2014 г. и продолжающаяся на день сегодняшний война с коалицией западных государств на территории бывшей Украины.

Напротив, середина столетий – время, когда русская государственность сильна и амбициозна: в этот период Россия не без триумфов военным путем навязывала свою волю Европе, да и не только Европе. Соответственно, середина каждого из вышеперечисленных столетий ознаменовывается ответным наступлением России на европейские территории. Таковы Ливонская война 1558–1583 гг., Смоленская и последующая русско-польская войны соответственно 1632–1634 гг. и 1654–1667 гг., Семилетняя война 1756–1763 гг., Венгерский поход 1849 г., советско-финская война 1939–1940 гг., последовавшие за ней «освободительные походы» 1940 г. и, наконец, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., победа в которой дала СССР контроль над некоторыми странами Западной Европы. Таким образом, как европейские толки о какой-то особенной агрессивности России сравнительно с Европой, так и наши утверждения о неизменном миролюбии – типичные идеологические мифы. *Перед нами обоюдный процесс неизменно болезненных суперэтнических контактов, периодически закономерно выливающийся в военные действия*¹.

Между этими двумя противостоящими друг другу состояниями русской Смуты и русского Триумфа лежит и еще одна значимая оппозиция. После завершения всякой Смуты русскую государственность приходится реконструировать: происходит эта Сборка всегда на пересмотренных поведенческих основаниях. Напротив, после каждого Триумфа снизившаяся пассионарность вынуждает проводить либеральные реформы, соответствующие новому ослабленному пассионарному состоянию. Реакцией на них является стаг-

¹ Заметим только, что, в отличие от Европы, Россия, как правило, начинала свои военные действия на законных основаниях.

нация как предвестник будущей новой Смуты. В поздней советской истории характер подобной эпохи получил очень емкую квалификацию застоя. Таким образом, Застой противостоит будущей Сборке точно так же, как Триумф противостоит Смуте.

Таким образом, мы рискуем предполагать, что политические изменения в России за последние 500 лет сводятся к последовательной смене разных состояний (режимов), которые затем вновь повторяются, но уже в других конкретно-исторических условиях.

Образно говоря, перед внимательным наблюдателем долгих изменений в российской суперэтнической истории как бы вращается некое грандиозное онтологическое Русское Колесо (см. Рис. 1). Медленно, с периодичностью около 100 лет, оно вновь и вновь возвращает в жизнь России морфологически несовпадающие, но функционально близкие картины жизнедеятельности. Точки его стояния в моменты Смуты, Сборки, Триумфа и Застоя, скорее всего, и являются точками бифуркации между разными пассионарными состояниями суперэтноса.

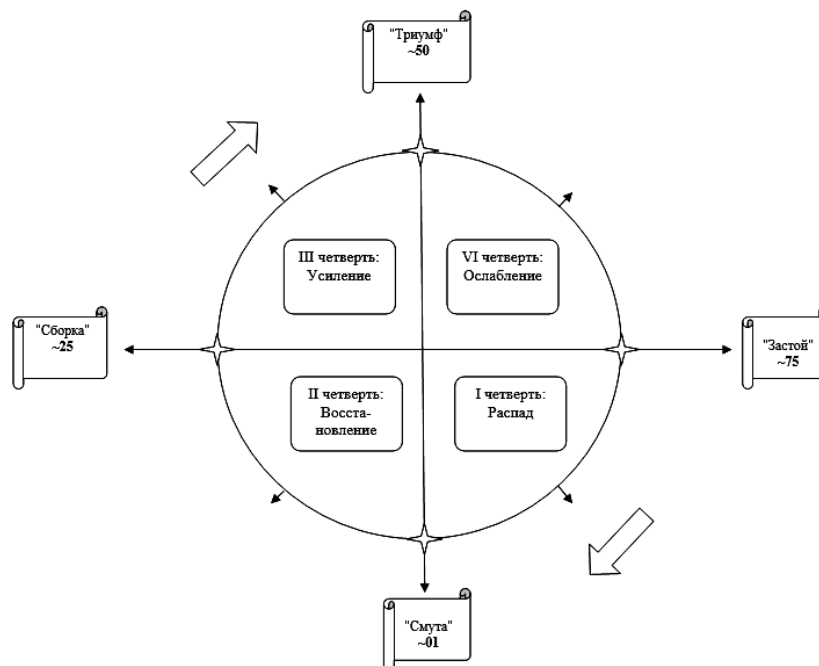

Рис. 1. Русское Колесо

С чем же связано существование 25-летних «четвертей» нашего Русского Колеса? Это, конечно, след существования поколений, продолжительность активной жизни каждого из которых в этногенезе как раз и составляет ~25 лет. Физический смысл такой генерации вполне ясен. Пассионарность распределяется в поколениях неравномерно; как следствие, с приходом каждого нового поколения пассионарный потенциал этнической системы претерпевает то или иное существенное изменение. Грубо говоря, с приходом поведения каждого нового поколения этногенез этнической системы как бы переживает очередной «взрыв», начинается «заново», но в рамках уже сложившейся этнической традиции. Вот почему Л. Н. Гумилев говорил о проблеме отцов и детей как об индикаторе активного, пассионарного состояния для всякой этнической системы (Гумилев 1989: 118).

Любопытно заметить и другое. Сам образ колеса применительно к светской, политической истории имел традицию еще в средневековой иконографии. Показательно, что верхняя хронологическая граница сюжета колеса Фортуны восходит к манускриптам монастыря в Монте-Кассино (Горбунова 2019: 126). А Монте-Кассино – это первый монастырь в этнической истории Западной Европы. Он был основан святым Бенедиктом Нурсийским в первой трети VI в., то есть на самом старте западноевропейского пассионарного подъема. Таким образом, сам образ колеса Фортуны оказывается укоренен во временах, когда традиция западноевропейского поведения только-только возникала.

Из иконографии известно, что и в Европе, и в России на вершине колеса Фортуны часто изображались именно властные персонажи – папы и антипапы, короли и шуты; внизу, напротив, изображались падшие властители, «короли без королевства» (Она же 2017: 159, 165). Именно поэтому, как думается, колесо всегда служило символом глубоко амбивалентным. Это особенно ярко проявилось в России, где оно одновременно выражает две разные, но жестко связанные между собой эмоции. С одной стороны, это символ неожиданной удачи, вечной надежды на лучшее. Колесо – символ веры в те благие изменения, которые когда-нибудь обязательно наступят в устройстве народного бытия. Невольно кажется: самые ужасающие жизненные обстоятельства над этой верой не властны. Они как бы не влияют на глубинное убеждение, присущее русско-

му человеку: «Ничего, переживем! Все *повернется* к лучшему...» Такое иррациональное убеждение ярко проявлялось, например, в России 1990-х гг. и, конечно, сохраняется сегодня.

С другой стороны, колесо для русского поневоле воплощает в себе неотвратимость того трагического, какое неотвратимо принесет будущее. В его вращении – всегда глубокая тревога по поводу надвигающейся неизбежности. «Сказал, как колесом переехал» – гласит старая русская присказка.

В первом качестве мы встречаем символ колеса у Н. В. Гоголя, причем сразу же при появлении главного героя «Мертвых душ» в уездном городе NN. Внешне фабула художественной сцены до того проста, что воспринимается как бытовая коллизия.

Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился (Гоголь 1951: 7).

Для нас связь этих двух фигур с надеждой на лучшее неочевидна, но она была вполне прозрачна для современников Н. В. Гоголя. Ведь в эпоху крепостного права обычные мужики не могли просто так, по своей воле, оказаться у кабака в уездном городе NN. Они обязаны были жить в своей деревне и «тянуть» там барщину у своего помещика. В городе мужики могли очутиться только как оброчники либо отходники. Понятно, что на оброк (денежный эквивалент барщины) или промысел за пределами крестьянской общины уходили наиболее умелые и предприимчивые крестьяне. Ведь им нужно было суметь заинтересовать владельца крестьянских душ, чтобы получить его разрешение. Поэтому вопросы о колесе подчеркивали для гоголевских читателей – перед ними с самого начала повествования появляются новые люди, пришедшие в город в поисках лучшей жизни. Таковы «два русские мужика», но таков, как выясняется из последующего изложения, и главный герой – Чичиков.

Вторую ипостась образа колеса находим у А. И. Солженицына. Своему историческому роману-эпопее о Русской революции он дал наименование: «Красное Колесо» (Солженицын 1971, 1983). Стоит подчеркнуть, что в конце жизни писатель именно эту работу считал для себя главной. В 1983 г. на вопрос французского журналиста Б. Пиво о наилучшем для него юбилейном пожелании А. И. Солженицын ответил так: «...закончить “Красное Колесо” и еще живым, а не только в виде книг, вернуться в Россию» (Он же 1997: 193).

В понимании религиозного традиционалиста А. И. Солженицына Красное Колесо – метафизический символ революции, пожирающей всех и вся. Источник движения Красного Колеса – забвение Бога, освободившее в душах людей губительные страсти, и прежде всего – властолюбие. Как таковое солженицынское Красное Колесо – явная антиномия Креста как символа искупительной жертвы (подробнее об этой парной символике см.: Merback 1999). Проще говоря, для Александра Исаевича колесо воплощало ту жесткую власть «от мира сего», которую сам А. И. Солженицын откровенно недолюбливал.

Здесь трудно не заметить общее. В русской литературе образ колеса возникал во времена внутренне беспокойные, как говорится по-русски, «чреватые»². Последнее прекрасно видно по хронологии замыслов произведений Н. В. Гоголя и А. И. Солженицына. Литературоведы не сомневаются, что окончательный замысел «Мертвых душ» сформировался у Н. В. Гоголя к середине 1830-х гг. Гоголевское письмо А. С. Пушкину от 7 октября 1835 г. показывает, что осенью того года писатель только начал работу над своим романом, которому еще предстояло превратиться в «поэму» (Гоголь 1951: 901). Из опубликованных фрагментов солженицынских дневниковых записей явствует, что замысел «Красного Колеса» внезапно возник у молодого человека 18 ноября 1936 г. (Солженицын 2005: 9, 28). Как видим, оба произведения были задуманы авторами с примерно столетним разрывом, то есть в пассионарно подобных состояниях российского суперэтноса в XIX и XX вв. Но если так, то не только смуты и революции, но вообще всякое значимое поведение в России управляется фактически возвращающейся периодичностью пассионарных состояний в точках бифуркации (см. Табл. 1).

² Чреватые (от рус. чрево – живот) – буквально означало «беременные», то есть явно содержащие в себе некую будущую новую реальность.

Таблица 1

**Точки бифуркации в этногенезе российского суперэтноса,
1500–2075 гг.**

Век	Точки бифуркации: смена «четвертей» и ее годы в каждом веке			
	I → II «Смута» = ~01	II → III «Сборка» = ~25	III → IV «Триумф» = ~50	IV → I «Застой» = ~75
XXI	1999. Отставка Ельцина	2022. Россия Путина	~2050. Новый «Триумф» (?)	~2075. «Застой» (?)
XX	1905. Крах самодержавия	1929. СССР Сталина	1945. Великая Победа	1976. Эпоха застоя
XIX	1801. Убийство Павла I	1825. Россия Николая I	1849. Подавление революции 1848 г.	1874. Конец Великих реформ
XVIII	1698. Стрелецкий бунт	1721. Империя Петра I	1756. Семилетняя война	1775. Конец реформ Екатерины II
XVII	1598. Конец Рюриковичей	1622. Россия Филарета	1654. Война за Малую Русь	1676. Конец реформ Алексея Михайловича
XVI	1498. Опала наследника	1523. Единая Русь Василия III	1558. Ливонская война	1572. Конец опричнины

Что же может дать предсказуемость оборотов Русского Колеса для понимания русского будущего? Если наша интерпретация верна, то сегодня Россия полностью миновала очередную I четверть, связанную с распадом прежней советской этносоциальной системы в 1976–1998 гг., и находится близко к концу II четверти 2000–2025 гг., то есть там, где завершается сборка новой этносоциальной системы.

Конечно, главные действующие лица «Сборки» органически сами являются людьми смутных, революционных времен, причем выросшими далеко не на первом плане. Году этак в 1585 г. Борису Годунову было куда как далеко до шапки Мономаха. До 1689 г. никто, кроме самых близких, не ставил на несовершеннолетнего царя Петра, которого честолюбивая правительница Софья выдала в Преображенское. Цесаревич Александр Павлович накануне убийства его отца императора Павла I (1801) опасался за свою свободу. О В. И. Ленине до 1903 г. за пределами социал-демократических кружков вообще никто не слышал. Когда В. В. Путин стал в 1999 г. преемником Б. Н. Ельцина, он тоже не относился к числу тогдашних российских политиков «первой руки».

Но обратите внимание: залог грядущей победы всех этих деятелей заключался не только в том, что эти честолюбцы предложили свои иллюзорные цели вроде петровского «превращения России

в европейскую державу» или ленинской «социалистической революции» в качестве насущных политических программ. Конечно, они сумели сделать так, чтобы именно на них сконцентрировалась в определенный момент надежда множества людей на лучшую жизнь. Этот, образно говоря, фокус усталости большинства и вывел их в свое время на первый план.

Однако начальным условием грядущей победы таких деятелей было все-таки свойство личной пассионарности: способность к долговременному сверхнапряжению вопреки инстинкту самосохранения, порождаемая им способность к прогнозу поведения как своего, так и окружающих. Именно они сообщают персоне качества самопожертвования и незаурядной интуиции. Только эти качества, помноженные на органичное понимание «своей» страны и людей, и способны привести пассионарного человека к его конечной политической победе³. Ведь сие редкое сочетание качеств позволяет не только тонко чувствовать элитные и простонародные упования, но и достаточно точно соответствовать противоречивым надеждам «верхов» и «низов» в разные периоды времени. Таким образом, в историческом ряду выдающихся российских политиков, переведивших страну из состояния Смуты в состояние «Сборки», вне всякого сомнения, находится и нынешний президент России В. В. Путин. Роль эта показательна в том смысле, что всегда обеспечивает своему обладателю уникальное место в памяти потомства. Можно по-разному относиться к политическим целям и личным устремлениям Бориса Годунова, Петра I, Александра I и В. И. Ленина. Но по объему и характеру совершённого они в подлинном смысле слова величайшие фигуры нашей истории. Однако лично для таких лидеров их великая роль часто оказывается неблагодарной.

Дело в том, что точка бифуркации «Сборка» – эпоха, до которой сами бенефициары революционной Смуты, как правило, не дотягивают. Внуку Ивана III Дмитрию, который оказался источником первого в русской истории династического кризиса 1497–1502 гг., вообще не пришлось править. Власть досталась его противнику – князю Василию Ивановичу. Борис Годунов, взявший царский венец с концом династии Рюриковичей, не смог основать новую династию. Ее фактическим создателем стал его заклятый враг – отец

³ Тот, кто таковыми качествами не обладал, довольно быстро выпадал из расклада, подобно Николаю II. На его примере прекрасно видно, что даже самый высокий статус и искренний патриотизм не могут компенсировать ту слабость личной пассионарности, которая характерна для гармоничного человека.

первого царя из династии Романовых, патриарх Филарет. Александру I, ставшему императором в результате убийства его отца заговорщиками, не довелось воспользоваться плодами Венского конгресса. Роль «жандарма Европы» пришлась в пору его родному брату Николаю I. (О судьбе Николая II и говорить излишне.) Только Петр Великий сумел увидеть во плоти созданную его трудами Российскую империю, а В. И. Ленин – чаемый им СССР. Но и им не довелось руководить этими новыми социумами долгий срок.

В. В. Путин, безусловно, сумел не только сам увидеть восстановленную им новую Россию подобно Петру Великому и Ленину, но и продолжает деятельно управлять ею сегодня. К великому сожалению, даже это выдающееся достижение не может отменить закономерностей пассионарного состояния. Ожидаемая точка бифуркации ~2025 г., увы, маркирует переход к окончанию путинской политической эпохи. Форма этого окончания может оказаться разной. Может быть, В. В. Путин решит не участвовать в следующих президентских выборах; может быть, второй президент России поступит подобно второму римскому императору Тиберию, удалившемуся в 26 г. из опостылевшего ему Вечного города на чудесный остров Капри; возможно, мы увидим и еще один президентский срок, в течение которого В. В. Путин сосредоточится на подготовке преемника. Что именно произойдет – покажут лишь конкретные события и только тогда, когда они свершатся.

А вот о том, что событийно состоится вряд ли, можно говорить с большей долей уверенности. Крайне маловероятным представляется чаемый либералами сценарий, согласно которому будущий уход В. В. Путина создаст некое движение «от усилившегося авторитаризма к революционной демократии». Те же британцы, например, весьма склонны выдавать свое неприятие российского политического режима за доказательство его внутренней непрочности. Логика их рассуждений весьма незамысловата: «Вот у нас все отстаивают права разного рода меньшинств и экологическую повестку, а Путин – против. Значит, в России наверняка копится народное возмущение против автократора...»

К счастью для нас, Россия – не Европа, и никогда ею не была в суперэтническом смысле этого термина. Поэтому отсутствие пресловутых западноевропейских инклюзий не делает нашу власть уязвимой. Например, сталинский политический режим был несравнимо жестче путинского. При сем СССР действительно имел самую демократическую конституцию того времени образца 1936 г. Однако советская политическая практика покоилась на реалистич-

ной сталинской формулировке: «Не важно, как голосуют, важно – кто считает». Но разве прямой контроль над действительно всеобщими и прямыми выборами в Верховный Совет СССР 1937 г. помешал сталинскому режиму пережить германское нападение, четыре года тяжелейшей войны и на пару с США участвовать в разделе послевоенной Европы?

Стоит подчеркнуть – *западное непонимание чужого, воспринимаемого исключительно по опыту своего, представляет собой прямое доказательство существования России и Европы как несовпадающих суперэтносов*. Ведь ровно такую же роль суперэтнический барьер играет и для наших соотечественников. Иначе ли мыслили советские пропагандисты, ожидавшие скорых выступлений германского пролетариата в конце лета 1941 г., или российские политологи, толковавшие о неизбежной гибели немецкой промышленности холодной зимой 2022–2023 гг.?

Но на сегодня главное заключается в том, что режим наследственного президентства, созданный Б. Н. Ельциным из сиюминутной суровой необходимости в смутном 1999 г., был впоследствии успешно политически адаптирован В. В. Путиным. Его важнейшее достижение в контексте этногенеза – это отвлечение заметного пассионарного потенциала и симпатий от групп радикальных революционеров. Ничто не показывает, что этот потенциал нынче серьезно растет. А пока это так – революция «сверху» в России маловероятна. В противном случае в стране опять имела бы шанс воспроизвестись ситуация рубежа XIX–XX вв. Ведь случись у нас на Болотной какой-нибудь заказной «евромайдан», и Россия вполне могла бы не перейти из надлома в инерцию, а скатиться в режим этнического смещения подобно бывшей Украине. И за то, что этого не произошло, абсолютное большинство народа действительно благодарно В. В. Путину, причем искренне и по делу.

К счастью, внутренняя логика событий нашей суперэтнической истории XVI–XX вв. свидетельствует, что Русское Колесо нынче движется не к Смуте, а в диаметрально противоположном направлении: от худо-бедно восстановленного государства Российского к временам его дальнейшего усиления, его военно-политических успехов. Надо надеяться, что именно это движение определит образ ближайшего российского будущего (Табл. 2). Поэтому политическим наследником В. В. Путина, скорее всего, выступит не маргинальный оппозиционер, а легальный политический наследник нынешнего президента.

**Русское Колесо в XX–XXI вв.
и образ ближайшего будущего России**

№ п/п	Наименование	Содержание исторических событий	
		XX век	XXI век
	Период времени	XX век	XXI век
	Социальное обозначение	Советский период	Постсоветский период
	Пассионарное состояние	Явный период фазы надлома	Инерционная фаза
	I четверть (75–00)	1881–1905. Александр III и Победоносцев. Реформы Витте. Конец самодержавия	1976–1999. Брежнев и Суллов. Застой. Конец СССР. Реформы Ельцина
	II четверть (01–24)	1905–1924. Ленин. Борьба за «советский строй»	1999–2024. Путин. Борьба за «наследуемое президентство»
	III четверть (25–49)	1924–1953. Сталин. Создание «социалистического лагеря»	~2025–2049. Путин/ПостПутин. Гегемония России в Европе (?)
	IV четверть (50–74)	1953–1975. Постсталинская «оттепель». Крах Хрущева. «Коллективное руководство»	~2050–2074. Постпутинская либерализация (?)

Иначе говоря, после 2025 г. Россия опять воспроизведет в новой форме ситуацию, возникшую к 1925 г. в СССР. После смерти В. И. Ленина за власть боролись уже не «февралисты» с монархистами, а представители внутренних группировок ленинской партии. Так будет и вновь. Из нескольких путинских диадохов победит тот, кто сумеет освоить модель поведения великого И. В. Сталина. Он-то и осуществит следующий цикл суровых действий по дальнейшей централизации и усилению России.

Окончание этого цикла в III четверти приведет Россию к состоянию «новой силы», действительно опасному для Европы. И вот тогда реализуется страшный сон европейских либералов. Россия в очередной раз предъявит значимую претензию на прямое военное вмешательство в европейские дела так, как это происходило в 1939–1945 гг. или в 1848–1849 гг. Так что ожидать подобного вмешательства по итогам специальной военной операции на Украине или к 2030 г. несколько преждевременно. Русский триумф вне наших суперэтнических границ, то есть в самой Европе, если и состоится, то никак не раньше конца 2030-х – начала 2040-х гг. Как и всякий триумф, он опять обойдется России очень дорого. Запас пассио-

нарности, имеющийся у политического режима, сформированного В. В. Путиным в 2000–2024 гг., исчерпает себя окончательно. Поэтому в IV четверти, ~2055–2075 гг., действительно станут неизбежными и начнутся «сверху» очередные либеральные реформы. Их начала можно ожидать около 2060 г. Либеральные реформы с необходимостью повлекут за собой новую модернизацию политического класса. Она окажется, как и всегда в условиях падающей пассионарности, не совсем удачной и предопределит медленное сползание страны в новый кризис управления. Его контуры наши потомки увидят где-то после 2080 г.

Однако возможность России пережить все вышеперечисленные состояния зависит при прочих равных условиях и от ее поведения в предшествующую эпоху. Хочется надеяться, что выстроенная при В. В. Путине государственная централизация все-таки создаст вполне достаточные предпосылки для сохранения российского суперэтнуса. Но сумеет ли постпутинская Россия выдержать одновременное противостояние с США и Евросоюзом, стратегический союз с Китаем и сдерживание мусульманских фундаменталистов? «Един Бог весть» – отвечали на подобные вопросы в Древней Руси. Если нашего пассионарного потенциала хватит на такую работу, то Россия будет существовать как независимая этносоциальная система, в социальной форме которой сохранится оригинальный российский суперэтнос.

Что же касается последующих вращений Русского Колеса – сегодня говорить о них вовсе бессмысленно. Их реальность целиком зависит от того, удастся ли России в ее новой инерционной фазе пережить XXI в. Если не удастся – наша этническая история наверняка пойдет по пути смещения, то есть ускоренной и необратимой потери пассионарности, а значит – и необратимой потери суперэтнической диссипативной структуры. Российский суперэтнос при таком сценарии вполне может распасться. В этом случае он быстро дойдет если не до стадии этнических реликтов, то до каких-нибудь обособленных территориальных субэтносов. И тогда в цифровую эпоху наши потомки увидят слабопассионарные аналоги ставших чужими друг другу москвичей, владимирцев и новгородцев времен «феодальной раздробленности Древней Руси XII–XIII вв.». Нечего и говорить, что в этом случае вместе с российским суперэтнсом погибнет и его суверенная российская государственность, экономика и культура.

Если же XXI в. Россия все-таки сумеет преодолеть, то главным препятствием на пути дальнейшего ее существования будет кризис

на рубеже XXI–XXII вв. Очередное повторение русского Смутного времени станет подобием событий, приведших в начале XX в. к формированию «советского строя», а в начале XXI в. – к установлению «наследственного» президентского правления. Глубокая модернизация этого президентства в ходе кризиса начала XXII в., по идее, должна повлечь за собой создание нового политического режима – примерно на следующие 100 лет. Но до этой болезненной новации Русскому Колесу еще предстоит скрипеть и крутиться...

Литература

Гоголь, Н. В. 1951. *Полн. собр. соч.* Т. 6. *Мертвые души*. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР.

Горбунова, М. А.

2017. Иконография Фортуны в XV веке и ее социально-политический контекст. *Вестник Московской художественно-промышленной академии* 3: 158–169.

2019. Средневековая Фортуна: образы, тексты, смыслы. *Искусствознание* 1: 124–151.

Гумилев, Л. Н.

1989. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та.

1990. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Гидрометеиздат.

Ермолаев, В. Ю. 1990. Самоорганизация в природе и этногенез. *Известия Всесоюзного географического общества* 122(1): 26–32.

Малинецкий, Г. Г. 2012. XXI век в свете идей Л. Н. Гумилева. *Universum: Вестник Герценовского университета* 3: 184–199.

Солженицын, А. И.

1971. *Август Четырнадцатого*. Париж: YMCA-Press.

1983. *Собр. соч.*: в 20 т. Т. 11. *Красное Колесо: повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого*. Вермонт; Париж: YMCA-Press.

1997. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Кавендиш, 31 октября 1983). В: Солженицын, А. И., *Публицистика*. Т. 3. *Статьи, письма, интервью, предисловия*. Ярославль: Верхняя Волга. С. 173–193.

2005. Три отрывка из дневника Р-17. В: Струве, Н. А., Москвин, В. А. (сост.), *Между двумя юбилеями (1998–2005). Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына*. М.: Русский путь. С. 9–28.

Gumilev, L. 1990. *Ethnogenesis and the Biosphere*. Moscow: Progress.

Merback, M. B. 1999. *The Thief, the Cross and the Wheel. Pain and the Spectacle of Punishment in Medieval and Renaissance Europe*. Chicago: The University of Chicago Press.